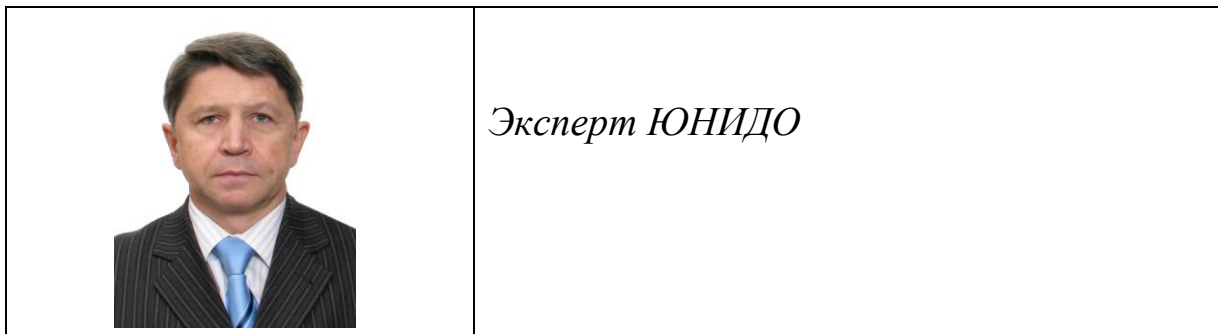

СУБЪЕКТЫ И ТИПОЛОГИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Аннотация: В статье рассматривается ситуация «понятийной катастрофы», сложившаяся с ключевыми для описания социальных изменений терминами (модернизация, инновации, реформы и др.). Предлагается основанная на деятельностно-средовом подходе типология изменений, позволяющая четко определить и разграничить идеальные типы процессов: эволюцию, модернизацию, развитие и инноватизацию; устанавливается связь между этими типами и формами и условиями субъективации. Для каждого типа приводятся исторические примеры. Обсуждаются варианты сочетаний типов и возможные практические следствия.

Ключевые слова: модернизация, развитие, инноватизация, инновация, эволюция, субъективация, субъект, культура, институт, рефлексия.

Вопрос, который мы намерены рассмотреть в данной статье, касается способов понимания, средств анализа и оценки возможности инициирования, организации или управления процессами достаточно масштабных социокультурных изменений. С одной стороны, это вопрос идентификации происходящих сегодня в России изменений и адекватного их анализа; в частности – оценки инновационных возможностей при том или ином развитии событий (или, иными словами, прогноз возникновения или оценка затрат на формирование различных инновационных сред). С другой, и более важной, стороны, это вопрос выработки эффективных стратегий, будь то политическая стратегия развития страны или стратегии самоорганизации и саморазвития различных субъектов. Для этого следует понимать, как минимум, какие возможности действий существуют или могут быть сформированы в данной ситуации (или среде) с использованием

доступных ресурсов, на каком направлении следует концентрировать силы, каковы предпосылки и условия успеха, каковы риски и т.д.

Ситуация «понятийной катастрофы»

Для описания происходящих в стране и мире социокультурных изменений сегодня используется довольно широкий круг терминов: «эволюция» (социальная), «развитие», «прогресс», «модернизация», «революция», «транзит», «глобализация» и т.д. Трудности практического использования этих терминов заключаются, среди прочего, в том, что они, как правило, связаны с определенными концепциями и теориями, многие из которых подверглись критике и, так сказать, сошли со сцены освищенными. Это случилось, например, с целым рядом теорий модернизации¹. Попытки на обломках одних теорий построить другие, аналогичные, привели к появлению теорий «неомодернизации» и «транзита». В том, что касается понятия модернизации, все это вызвало его релятивизацию, расширение до таких пределов, когда «модернизацией» начинают называть любые улучшения или любые процессы введения социальных «инноваций». После чего, собственно, смысл слова «модернизация» как термина, позволяющего различать разные социально-исторические процессы можно считать полностью утраченным.

Эффекты этой «понятийной катастрофы» можно было наблюдать в России не так давно, во время президентства Дмитрия Медведева, предпринявшего очередную попытку запустить процесс *модернизации* в России. Дискуссия сразу же оказалась весьма политизированной, поскольку ранее, в начале 2000-х, президентом Владимиром Путиным был объявлен курс на *инновационное развитие*, и одни эксперты, стремящиеся представить курс президента Медведева как новый относительно предшествующего курса президента Путина, взялись противопоставить «модернизацию» и «инновационное развитие», а другие предпочли трактовать оба термина практически как синонимы. Наряду с традиционной классификацией модернизации на «органическую» и «неорганическую», «первичную» и «вторичную» («догоняющую»), предпринимались попытки различить модернизацию «догоняющую», «революционную» и «органичную»². Встречается также некое неуточненное противопоставление «модернизации» и «естественного развития»³.

---

¹ См. об этом, например, *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М., 1996, Глава 9.

² Всемирная история модернизации // Эксперт, 2010, №1.

³ *Иноземцев В.Л.* О невозможности модернизации России // Российская модернизация: размышляя о самобытности. М., 2008, с. 145-165.

Выражение «инновационное развитие», часто употребляемое как само собой разумеющееся, в действительности не имеет четкой дефиниции, и несет в себе, в зависимости от контекста, довольно разный смысл. Так, под ним может пониматься «переход экономики на инновационную социально-ориентированную модель развития», формирование «инновационной экономики», «развитие инновационной деятельности», формирование или развитие «национальной инновационной системы» и т.д. (причем все значения можно встретить в одном документе – см., например, «Стратегия инновационного развития Российской Федерации до 2020 года»). Нередко под «инновационным развитием» понимают технологическую модернизацию производства и внедрение новых технологий в разных сферах жизни или продолжение социально-экономических реформ. Очевидно, что при таком расплывчатом понимании невозможно сформулировать эффективную стратегию.

В публикациях и дискуссиях можно встретить две трактовки термина «инновация»: широкую и узкую. Широкая трактовка характерна для гуманитарных и социальных наук, в которых под «инновацией» может пониматься любое нововведение в социальной жизни, или даже просто изменение, вне зависимости от того, насколько оно устойчиво или «прогрессивно». Построить на таком подходе какое-либо практически полезное теоретическое представление довольно трудно, если не сказать невозможно. Узкая трактовка привязывает инновацию к выпуску на рынок нового продукта или услуги.

«Понятийная катастрофа», таким образом, в той или иной степени затронула практически все термины, связываемые с общественными изменениями. Споры по этому поводу, в действительности, имеют не только чисто научное, но практическое значение, поскольку за различием, например, «модернизации» и «инновационного развития» стоят различные реальные политические и экономические стратегии, различные общественные среды. Это обстоятельство выдвигает на передний план перед любым социальным исследователем или политическим практиком вопрос об *инструментах анализа*, позволяющих адекватно идентифицировать происходящие в социальной ситуации процессы или оценить ее с точки зрения предрасположенности к тому или иному изменению.

В качестве одного из возможных ответов на данный вопрос мы обратимся к методу *идеальных типов*, или, как их еще называл Макс Вебер, «понятий-типов», подразумевая под этим абстрактные конструкции, создаваемые и используемые в качестве *моделей* реальных объектов и процессов. Будучи моделями или идеальными объектами науки, идеальные типы отнюдь не обязаны исчерпывать все

содержание ситуации, весь эмпирический материал. Материал – всегда богаче разного рода моментами и деталями, чем тип или даже суперпозиция типов. Идеальные типы призваны выделять в материале (в ситуации) некую имманентную схему его организации, выявлять присущий ему порядок, выполнять идентификационную и, если необходимо, классификационную функцию. Обсуждая метод социологии, Вебер писал, что нередко есть возможность выбирать между «неясными», но, быть может, субъективно кажущимися более реалистичными понятиями, с одной стороны, – и ясными, но «нереальными» и «идеально-типическими», с другой. Он советовал предпочитать вторые¹, и мы последуем его рекомендациям. Но вначале нам потребуются некоторые основания для того, чтобы различать разные социокультурные процессы и конструировать идеальные типы.

Онтологические основания и основные различия

Объектом нашего исследования будет, говоря категориально-логическим языком, *общество*. Из всех существующих подходов к пониманию и представлению общества мы будем придерживаться возникшего в 60-е годы XX века *деятельностного подхода*. В СССР деятельностный подход наиболее фундаментально, и в приложении к ряду областей, был разработан Московским методологическим кружком (ММК), в состав которого входили его бессменный лидер Г.П. Щедровицкий (1929 – 1994), О.И. Генисаретский, В.А. Лефевр, В.М. Розин, Б.В. Сазонов, Э.Г. Юдин и другие философы и ученые. Идеи и разработки ММК перекликаются, в частности, с «современными социологическими теориями деятельности»² Амитаи Этциони, Алана Турена, Энтони Гидденса, Маргарет Арчер, «школы Упсалы» (при всех их различиях друг от друга); с социальным конструкционизмом Питера Бергера, Томаса Лукмана, Малколма Спектора и других. Одним из направлений развития деятельностного подхода является *средовой подход*³.

В парадигме деятельностного подхода *общество* принято понимать как процесс и механизм собственного воспроизводства и изменения, включая воспроизводство и изменение своих границ, состава, то есть людей, материальных условий их жизнедеятельности, социального порядка и нормативно-ценностной структуры, именуемой

---

¹ Вебер М. Основные социологические понятия // Социологическое обозрение. 2008, Т. 7, № 2, с. 100 – 102.

² Согласно определению Петра Штомпки (*Штомпка П.* Социология социальных изменений. М., 1996).

³ См., например, *Лепский В.Е.* Рефлексивно-активные среды инновационного развития. М.: «Когито-Центр». 2010. – 255 с. http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_2010a.pdf

культурой. В терминах средового подхода это означает, что мы будем рассматривать общество как *среду*, в которой регулярно воспроизводятся характерные для данного общества социальные отношения.

В качестве механизма воспроизводства и изменения общества в своей собственной среде выступает связка трех (под)процессов: 1) трансляция норм культуры, 2) реализация норм культуры в социальных ситуациях, и 3) аккультурация социальных изменений и трансформация норм культуры. Под «нормами культуры» будем понимать все общезначимые, предзаданные индивидам *формы* – нормы деятельности в строгом смысле, нормы права, образцы или ролевые модели поведения, формальные и неформальные социальные правила, способы интерпретации и символизации и т.д., – регулирующие поведение сторон социальных отношений и придающие этим отношениям определенность, предсказуемость и легитимность.

Нормы могут совсем простыми, для одного действия (например, приветствие при встрече), или довольно сложными, представляющими собой *техники* (например, техника владения мечом, техника игры на виолончели, ремесленные техники); они могут быть императивными или рецептурными; воплощенными в инструкциях или в персонифицированных образцах. Обычно нормы «снабжены» теми или иными санкциями за свое нарушение или за отказ следовать им в релевантных ситуациях.

Трансляция культуры представляет собой двусоставной или двусторонний процесс, включающий в себя, с одной стороны, сохранение и передачу образцовых материальных воплощений норм или связанных с ними каких-то средств или опор для воспроизведения (предметы, тексты, памятники и т.п.), а с другой – *коммуникацию*, в ходе которой передаются, осваиваются и усваиваются некие типовые или идеальные представления о нормах. В разных обществах и в разные эпохи этот процесс принимал различные формы: от пары «наставник – ученик» до университета. В реальных социальных ситуациях нормы культуры всегда реализуются с теми или иными вариациями, в зависимости от контекста. Иначе говоря, всякая ситуация в социальном плане всегда богаче, чем те нормы, которые в ней реализуются.

Ключевой момент в выполнении нормы – это то, что каждый ситуативный акт утверждения (реализации) нормы есть одновременно акт отклонения от нее, от «идеальной реализации», от того, как о норме говорят, как ее «преподают в школе» или как она кодифицирована. Реализация нормы предполагает определенные предпосылки (требования к месту и времени, например), условия и ресурсы, не все из которых могут быть в (достаточном) наличии в данной ситуации. То

есть, норма всегда реализуется «приблизительно», с большими и меньшими отклонениями. Если отклонения достаточно существенные, регулярные и осознаются в качестве «разрывов», они могут привести к *трансформации* нормы. Это – с одной стороны. С другой стороны, поскольку общество как *среда* «шире», чем общество как организованность, в нем могут возникать новые виды отношений и взаимодействий, которые «не покрываются» существующими нормами. В этом случае может происходить *аккультурация* нового, складывание и «вписывание» в культуру новых норм. Процесс аккультурации социальных изменений и трансформации норм, очевидно, имеет ключевое (и рамочное) значение для любого типа *инноваций*.

Нередко бывает так, что единообразное, регулярное и гарантированное выполнение норм приобретает для общества дополнительную ценность, становится *социальным порядком*. Это может быть связано с теми видами социальных отношений, в которых сочетается значимость и высокая степень риска для участников, существует опасность конфликта и насилия, велики «издержки» на организацию, существенна морально-нравственная нагрузка, либо в их трансляцию были инвестированы время, усилия и другие ресурсы (как, например, в системе профессионального образования). Ценность того или иного социального отношения, повышенная опасность, связанная с отклонениями от нормы или высокие организационные издержки вынуждают также устанавливать особый контроль над процессами трансформации нормы.

В таких случаях формируется *социальный институт*, то есть конструкция, связывающая, как минимум, два процесса: реализацию и трансформацию норм, а как максимум – все три (еще и трансляцию), и замыкаемая контуром власти, с переходом к инстанции власти права на надзор и легитимное применение санкций за нарушение норм¹.

Если идти «сверху», от общего механизма воспроизводства и изменения общества, в качестве которого мы рассматривали связку трех процессов: реализация, трансляция и трансформация культуры (ТРТК), то пояснить понятие института можно следующим образом. Каждый из названных процессов, очевидно, есть *полипроцесс*, так как норм множество. Теоретически мы можем выделить для каждой нормы из этого множества ее собственные, специфические процессы трансляции, реализации и трансформации (ТРТн), и мыслить их взаимоувязанными на микроуровне, подобно тому, как взаимоувязаны

---

¹ Фактически каждому институту соответствует свой тип власти. Так, институт суда с незапамятных времен находится в контуре государственной власти; институту семьи или школы соответствует, как минимум, такой тип власти, как авторитет (родителей, учителя).

процессы ТРТК на макроуровне общества в целом. Эта взаимосвязь может быть чисто умозрительной, теоретической, но может быть также и реальной. Во втором случае связка ТРТн трактуется как институт, а ее воплощение – как организация.

Институт, таким образом, следует различать от организации. Институт может рассматриваться как *метанорма* (норма над нормами), регулирующая отношения и процессы реализации, трансляции и трансформации норм культуры, а *организация* – это конкретная материальная структура или экземпляр ее воплощения. Так, институт суда – один (для данного общества/культуры), но воплощается он во множестве отдельных организаций (экземпляров института), в которых происходит судопроизводство. Пользуясь известным образным выражением экономиста, лауреата Нобелевской премии Дугласа Норта, институты – это правила, а организации – игроки.

Таким образом, институты снижают риски и издержки социальных отношений. Устойчивость институтов, однако, обеспечивается не только этим фактором, но и тем, что на изменение (трансформацию) института необходимы затраты разного рода ресурсов, которые далеко не всегда могут быть компенсированы эффектом внесенных изменений (по крайней мере, в глазах тех, кто может эти изменения произвести). Упомянувшийся уже Дуглас Норт описывает это как «транзакционные» и «конфигурационные издержки».

Учитывая названные особенности институтов, а также то, что их можно рассматривать как «системы массового обслуживания» (наподобие транспортных или электрических сетей, супермаркетов и т.п.), можно говорить о том, что социальные институты служат инфраструктурой общественной жизни, особенно в том случае, когда в общественной среде сформировалось *государство*.

Как понятие институты суть средний (промежуточный) уровень между абстрактными процессами трансляции, реализации и трансформации норм, – и эмпирической действительностью, где мы выделяем семью, суд, школу и т.д. Посредством понятия института три процесса, лежащие в основании воспроизводства и изменения государственно оформленного общества, можно свести к двум: 1) воспроизводству (функционированию) институтов, и 2) их изменению, формированию или просто внеинституциональному массовому поведению.

Таким образом, социокультурные изменения или процессы – это, с точки зрения их механизма, процессы, основанные на «взаимодействии» культуры и социальности. В социологическом плане их можно определить как необратимые изменения на макросоциальном уровне, то есть, среди прочего, как «эмерджентный эффект» или

эффект *агрегирования* индивидуальных или индивидоподобных¹ действий. Так, если индивидоподобные действия имеют – или им можно более или менее однозначно сопоставить – *цель* (или намерение; пусть даже их реальный результат и отличается от цели или намерения), то макросоциальным, историческим изменениям может быть сопоставлено *значение или смысл*.

Агрегирование, связывающее социокультурные изменения с массой индивидоподобных действий, вообще говоря, может быть чисто статистическим эффектом, когда действующие в своих личных интересах, независимо друг от друга деятели (агенты), взятые в массе, вызывают в качестве следствия или демонстрируют некую закономерность, о которой они, быть может, даже не подозревают. Одним из первых на такой эффект обратил внимание Алексис де Токвиль, размышлявший о различиях между Англией и Францией накануне Великой Французской революции. Другой тип агрегирования рассматривается, например, в теории элит. Индивиды (или семьи) идентифицируют себя как принадлежащих к определенной социальной группе и на основании этого выбирают тот тип поведения, который поощряется в данной группе (соответствует ее субкультуре). Изменения здесь могут происходить путем диффузии или «заражения», то есть передачи от одного члена группы к другому через подражание; в этом случае «оригинал» выступает в качестве нового культурного образца для «копирования» (подражания). Массу примеров этого можно найти в исследовании Норберта Элиаса². В других случаях речь идет об осуществлении некоего консолидированного (хотя бы и распределенного в пространстве-времени) действия, которое члены социальной группы (слоя, страты, общества) считают в данный момент необходимым для всех к ней, группе, причастных. В этом смысле можно говорить о *мобилизации* той или иной социальной группы. Пьер Бурдьё, имея в виду различие двух типов агрегирования, говорил о «классах на бумаге» и «реальных классах».

Мы будем в связи с различием разных видов агрегирования (или разных способов связи микро- и макросоциального уровней) использовать термины «агент» и «субъект». Обычно они используются как синонимы, но мы закрепим за ними разные значения, имея в виду, с одной стороны, *агента действия*, а с другой – *субъекта изменений*. В этом смысле возможно агрегирование поведения множества агентов без

---

¹ К *индивидоподобным* действиям можно отнести довольно широкий класс действий, от поведения домохозяйств до действий крупных компаний.

² Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Том 1. Изменение в поведении высшего слоя мирян в странах Запада. М., 2001.

образования субъекта – и возможно агрегирование как *субъективация*, как процесс и деятельность формирования социального субъекта. Используя в данном случае термин «субъект» мы намерены указать на еще более важное, чем агрегированность, свойство. Именно, «агент» или «актор» (как синоним) указывают на кого-то, как *действующего*, способного, быть может, всего лишь к выбору или постановке цели на основе понимания своих интересов (вообще или в данной ситуации). Идентификация же *субъекта* предполагает дополнительно наличие самосознания и рефлексии.

Джордж Ритцер, анализируя одну из социологических концепций, перечисляет четыре условия, необходимых, чтобы «деятельность приписывалась социальному актору»¹, то есть, в наших терминах, чтобы его можно было бы рассматривать в качестве субъекта. Во-первых, он должен обладать властью, в смысле способности осуществлять изменения. Во-вторых, его действия должны носить целенаправленный характер. В-третьих, он должен иметь определенный выбор вариантов поведения, некоторый простор для действий. Наконец, он должен рефлексировать, отслеживать ограничения и результаты своих действий и использовать это знание для внесения корректив в свое действие. Ограничения могут быть тройного рода: 1) физические и технологические; 2) нормативные; 3) со стороны других агентов, обладающих санкционирующей властью, как позитивной, так и негативной. Если говорить об индивиде, то субъектность есть не только свойство его внешнего поведения, но и характеристика его сознания.

С точки зрения средового подхода, нет «извечно» существующих субъектов и объектов, но есть некая среда, в которой происходят процессы *субъективации* и *объективации*. Причем в каждом отдельном случае они могут быть более или менее успешными, более или менее завершенными. В частности, индивид, даже будучи агентом, может не быть субъектом, поскольку не произвел над собой рефлексивного акта субъективации (самоопределения).

Конструирование идеальных типов социокультурных изменений

Идея, которую мы предлагаем положить в основание типологии социокультурных изменений, заключается в том, чтобы рассматривать исследуемый изменяющийся процесс как двойной, как структуру из двух процессов: *исходный процесс* и *процесс изменения* исходного процесса.

---

¹ Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб., 2002, с. 478.

В предыдущем разделе все возможные реальные процессы, лежащие в основании воспроизводства и изменения государственно оформленного общества, были разделены на две группы или два обобщенных процесса: 1) воспроизводство (функционирование) институтов, и 2) их изменение, формирование или просто внеинституциональное массовое поведение. В качестве «исходного процесса», вообще говоря, может выступать любой из этих процессов, а «процессом изменения», очевидно, – только второй. По сути, говорить о реальном раздвоении, или образовании связки двух процессов, можно лишь тогда, когда сформировался статистический или реальный *субъект изменений*.

Оба процесса (исходный и его изменение), далее, могут квалифицироваться в соответствии с фундаментальными деятельностными категориями «естественного» и «искусственного», разработке которых немало времени уделил Московский методологический кружок (1954 – 1987 гг.). Суммируя историю этих разработок, Г.П. Щедровицкий выделил следующие этапы или способы трактовки данной категориальной оппозиции¹.

- 1 Восходящая к Платону трактовка естественного как порождаемое природой (фюсис), а искусственного – как возникающего в деятельности (технэ).
- 2 Разделение естественного как не имеющего культурно-исторической нормы, и искусственного – как такую норму имеющего.
- 3 Естественное в смысле изображаемое как естественное в схеме «двойного знания», и искусственное в смысле изображаемое как искусственное.
- 4 Естественное как получающееся «само собой», безотносительно к целям, искусственное – как созданное в соответствии с целью.
- 5 Наконец, естественное как подчиняющееся естественным (не зависящим от воли, желания, целеполагания людей) законам жизни, а искусственное – как творимое по законам соответствия целям, уподобления заранее намеченному идеалу или представлению о результате.

Из всех трактовок ориентироваться будем, преимущественно, на последнюю. Рассматривая эти категории как две возможности – обозначим их «Е» и «И» – к двойной структуре трансформирующегося процесса получим четыре схемы-основания типов: ЕЕ, ИЕ, ЕИ и ИИ.

---

¹ Щедровицкий Г.П. «Естественное» и «искусственное» в развитии и функционировании знаковых систем // Щедровицкий Г.П. Знак и деятельность. В 3 кн. Кн. 1. М., 2005, с.417 – 429.

ЕЕ. Естественные изменения естественных процессов, или эволюция

В сущности, эволюция – это «штатный», описанный выше как механизм воспроизводства и изменения общества, процесс в общественной среде, основанный на трансляции, реализации, трансформации культурных норм и аккультурации нового. Здесь мы опишем его еще раз в несколько ином виде.

Естественный процесс, согласно категории *естественного*, – это процесс, обладающий «естественными законами» своего существования, причем это могут «законы» как «первой», так и «второй» природы (нормы культуры). Иначе говоря, естественные процессы в социуме – это процессы, в основе которых в большей или меньшей степени, так или иначе, лежат процессы природы и природные циклы, включая процесс биологической жизни человека (от рождения к смерти), естественную смену поколений, цикл плодородия почвы, климатические изменения, цикл обнаружения (или захвата, обретения и т.д.) – использования – истощения природных ресурсов и т.п. Вокруг этих циклов и процессов с древнейших времен складываются воспроизводящиеся комплексы деятельности и поведения, то есть, например, *традиции*. Таким образом, к числу естественных процессов можно отнести смену поколений в социально-хозяйственной матрице общества, утилизацию избыточного населения в «отхожих промыслах», миграцию кочевых народов и т.п. Примерами естественного исторического процесса может служить колонизация русскими казаками окраин России в XV – XVI вв., диффузия технических изобретений (ветряная мельница, порох и огнестрельное оружие, компас, часы и т.д.) в XII – XVII веках.

Естественные изменения суть изменения, осуществляемые в культуросообразной форме и с культурно predetermined типом результата. Изменения могут быть как позитивные (прогресс), так и негативные (деградация) с точки зрения каких-то внешних критериев (адаптации, экспансии, доминирования и т.д.). Естественный характер этим изменениям придает то, что они имеют предзаданную, независимую от воли индивидов форму и predetermined тип результата. Иными словами, изменения *опосредованы институтами*, а эволюционно-исторические процессы суть такие процессы, в ходе которых социальные институты либо неизменны (в пределах «погрешности»), либо изменяются «в штатном режиме», эндогенно и адаптационно, без существенных кризисов и «потрясений основ».

Агрегирование здесь либо не связано с формированием субъекта вообще, либо субъект совпадает с агентом. В первом случае мы имеем дело со «статистическим агрегированием», или с феноменом, который в языке диалектики именуется «переход количества в качество». Примером может служить т.н. «промышленная революция» в Англии XVII – XVIII века; опосредующими институтами в ней служили мастерская и мануфактура, изменения в которых привели к появлению фабрик (где доминировало уже машинное производство).

Совпадение субъекта изменения с агентом действия в случае эволюции так же можно считать типичным, это происходит всегда, когда действие/изменение осуществляет организация, воплощающая социальный институт. Например, законодательный орган, который рефлексивирует практику судопроизводства и вносит соответствующие изменения в тот или иной закон. Или это может быть *реформатор*, который проводит в своем институте такие изменения, которые «назрели», к которым, в общем, все готовы и которые принимаются без особенного сопротивления. Богатую галерею исторических примеров дает здесь история развития воинского дела и искусства.

Таким образом, действие агента и/или субъекта в ходе социальной эволюции всегда институционально предопределено и/или опосредовано, а действие, лежащее в основе макросоциального изменения, имеет характер «внутреннего», или направленного агентом на себя самого (будучи, таким образом, саморазвитием).

В истории встречаются случаи, когда естественный процесс воспроизводства становится процессом эволюционного изменения. Например, для человека естественно придерживаться своих религиозных убеждений, вообще своих ценностей. Однако эта консервативность в условиях, когда ситуация изменяется, сама становится источником еще больших изменений. В качестве примера здесь можно рассматривать зарождение капитализма в Европе согласно концепции Вебера – Ропера¹. Тревор Ропер, сомневаясь, как и многие, в выдвинутой Максом Вебером гипотезе о причинной связи между протестантской этикой и развитием предпринимательства, обратил внимание на ряд фактов, которые Веберу известны не были или он не обратил на них внимание. А именно: обосновавшиеся в Женеве деловые люди были эмигрантами; капиталисты Германии были в основном фламандцами; области, охваченные Контрреформацией, дали немало капиталистов из числа католиков и евреев; кальвинистами зачастую были предприниматели и в лютеранских, а не только

---

¹ В изложении работы Тревоора Ропера (Trevor Roper) мы будем следовать Раймонду Будону (*Будон Р.* Место беспорядка. Критика теорий социального изменения. М., 1998, с. 179 - 182, 222).

католических, странах; в Амстердаме наблюдался подъем деловой жизни, а в Антверпене ее упадок. Ропер принял в расчет то обстоятельство, что в XVI веке промышленная и торговая буржуазия Европы в целом с благосклонностью относилась к идеям Эразма Роттердамского о равной значимости мирского состояния и духовного звания, о внутреннем характере веры, о том, что деловой человек может вести свои дела без ущерба для своей религиозности. Впоследствии буржуазия, воспитанная в духе учения Эразма, склонялась к кальвинизму, повторявшему все основные положения этой философии. А с того момента, как усилилось давление Контрреформации, буржуазия начала эмигрировать туда, где опасность была меньше (прежде всего в Голландию), и начинала ощущать себя частью «кальвинистского интернационала», то есть вступила в процесс субъективации, формирования коллективного субъекта. Государственные власти, от которых бежала их бывшая экономическая элита, исходно стремились установить свое господство над предприятиями и банками, считали учение Эразма еретическим и повышали налоги в пользу церкви, тем самым провоцируя отток капитала. Часть буржуазии, которая не захотела эмигрировать, ориентировала своих детей на военную карьеру. Таким образом, согласно теории Вебера – Ропера, кальвинистское видение мира действительно способствовало развитию духа капитализма, но только *вследствие* вызванных Контрреформацией трудностей, миграции и адаптации на новых местах.

Таким образом, в случае социальной эволюции в качестве исходного процесса следует рассматривать процесс функционирования институтов, а в качестве процесса изменения – процессы аккумуляции нового или трансформации существующих норм, складывающиеся в случае статистически значимого числа действий индивидов или индивидоподобных агентов.

ИИ. Артификация искусственных трансформаций, или инноватизация

Согласно принятой выше трактовке, искусственный процесс – это процесс, образуемый и поддерживаемый целенаправленными и/или вообще произвольными, то есть из воли проистекающими, действиями. Исходно это действия внеинституциональные или возникающие в рамках институтов как некие значимые отклонения от реализации норм; отклонения, которые становятся институционально значимыми (*ин*)новациями.

В этом смысле можно сказать, что инновации существовали всегда. Всегда находились люди, которые придумывали что-то существенно

новое, целенаправленно пытались внедрить его в жизнь с целью достижения определенной пользы, и добивались в этом успеха. Раймонд Будон в связи с этим обращает внимание на два, существенно различных, случая. Одно дело, когда некая инновация служит *ответом* на четко сформулированный социальный запрос, закрывает некий разрыв, другое – когда она представляет собой некое *спонтанное* изобретение, которое затем подвергается испытанию на полезность и уместность, проходит сито социокультурного отбора¹.

Пример первого варианта инновации описан в капитальном исследовании Нейла Смелзера о промышленной революции в английской текстильной промышленности². Рентабельность английских ткацких мастерских сильно зависела от сырья, то есть пряжи, которую ткачам поставляли фермеры. В первой трети XVIII века суконщик Джон Кей усовершенствовал ткацкий станок, что позволило заметно повысить скорость тканья: один ткач был теперь в состоянии обработать столько пряжи, сколько поставляли 5 – 6 опытных прядильщиц (фермерских жен). Между прядением и ткачеством возникла диспропорция, пряжа стала дефицитом, сильно вздорожала, и нередко вообще исчезала с рынка. Механики долго ломали голову над тем, как усовершенствовать самопрялку, пока, наконец, Джон Уайт не сделал ключевое изобретение, которое, однако, был вынужден продать предпринимателю Льюису Паулю, и в 1741 году в результате их совместных усилий появилась первая прядильная машина, которая стала прообразом многих других машин и механизмов. Таким образом, эта инновация уже задолго до своего рождения была обречена на успех.

Примером второго варианта инновации может служить плуг с металлическим лемехом, который способен был существенно повысить производительность земледелия, но требовал для своего использования соответствующей тягловой силы. Как показал Лесли Уайт, в средневековой Европе крестьяне для того, чтобы иметь достаточно быков для пахоты таким плугом, были вынуждены вступать в кооперацию. Однако это было возможно только при соответствующей плотности населения. Таким образом, данная инновация находила применение в одних местах, и отвергалась в других³.

Итак, инновация сама по себе, в отличие от естественных (спонтанных) эволюционных изменений, – это искусственное, осознанное действие. Но сам процесс появления инноваций долгое время был процессом естественным, результатом некоего природного

---

¹ Будон, с. 201.

² Smelser N. Social change in the industrial revolution: an application of theory to the British cotton industry. Chicago, 1959.

³ Будон, с. 202.

распределения среди людей одаренности, изобретательского и предпринимательского таланта, в сочетании с благоприятным стечением обстоятельств. И только начиная примерно с середины XIX века, с появления в ряде стран высшего инженерного образования, на государственном уровне делаются попытки взять под контроль и артифицировать этот процесс, организовать, условно говоря, поточное производство «ликвидных» инноваций. Такого рода трансформацию мы будем называть *инноватизацией*.

Артификация процесса, рассматриваемого как искусственный, предполагает *субъективацию*. Она может быть инициативной (самоорганизация) или производимой путем «назначения сверху» лиц или организаций, ответственных за его (процесса) осуществление, или, наконец, комплексной (смешанной). Примером первого варианта субъективации может служить организация в 1660 году частного «Лондонского королевского общества по развитию знаний о природе», примером второго – учреждение Петром I в 1724 году Петербургской академии наук. В качестве комплексного случая может рассматриваться организация кардиналом Ришелье создания в 1635 году Французской академии (*Académie Française*) на основе уже существовавшего с 1629 года кружка литераторов.

Следует обратить внимание, что успешная инноватизация возможна только в том случае, когда в ходе нее выстраиваются субъект – субъектные, предполагающие взаимное уважение и коммуникацию, отношения, а не директивное управление по схеме «субъект – объект». Даже в государственной Петербургской академии наук ученые пользовались европейскими академическими свободами.

И эволюция, и инноватизация – процессы, которые происходят в более или менее нормальных, то есть не кризисных, не критических, не проблемных, ситуациях (собственно, последние ситуации и возникают потому, что происходит некий слом или заклинивание механизмов эволюции). Однако в отличие от эволюции, которая, скорее, обращена в прошлое, поскольку фиксирует уже произошедшие изменения, инноватизация направлена в будущее, и основывается на некоем предвидении или ожидании грядущих кризисных или вообще сложных ситуаций. Когда же такая ситуация уже разразилась – поздно прибегать к инноватизации, поскольку временной лаг от начала этого процесса до получения значимых результатов может быть слишком большим в сравнении с темпом ухудшения ситуации.

ИЕ. Артификация естественного процесса, или модернизация

Речь идет о таких случаях, когда изменения в естественном процессе, которые не случились бы сами собой вообще, или в данной ситуации, или с такой скоростью (форсировано), осуществляются *искусственно*, то есть с применением авторитета, власти, силы или даже насилия. Со своей стороны, естественный процесс стремится сохранить свою форму и структуру, имманентные «законы» своего воспроизводства, и это стремление выражается в его сопротивлении внешним изменениям.

Логика артификации естественного процесса – это всегда логика *внешнего действия*. Даже в том случае, если модернизация производится теми, кто «внутри», они в своем сознании занимают *внешнюю* по отношению к трансформируемому процессу позицию. Характер позиционирования – «внешний» или «внутренний» – выбирается в ходе самоопределения, и выражается, в том числе, в структуре и содержании рефлексии.

И модернизация, и собственно развитие (о котором речь пойдет в следующем пункте) начинаются в *проблемной* ситуации, то есть в ситуации, осознаваемой или, по крайней мере, *переживаемой* как проблемная, кризисная, угрожающая, ситуация вызова и т.д. Однако при внешнем позиционировании, характерном для модернизации, сам проблемный процесс или, точнее, институт, в который он объективируется, – обозначим его Р (от «problem»), – не рассматривается как имеющий собственную ценность, но только как исходный, подлежащий трансформации материал. Проблемный институт Р рассматривается в соотношении либо с неким идеальным образом, либо, что чаще, с аналогичным по главной функции и роли институтом М (от «model»), существующем в другом месте (стране, культуре). Образ М, почему-либо более привлекательный, выступает в роли *эталона* или модели. Он либо экспортируется в страну (навязывается извне), либо импортируется (выбирается) инициатором модернизации в качестве образца для искусственно-технического *копирования*, исходя из остроты ситуации, собственных амбиций, ожидаемой выгоды или имеющихся ресурсов¹.

Классическим примером модернизации для России могут служить реформы Петра Первого. Как известно, Петр пришел к власти в тотально кризисной для российского государства ситуации. Можно сказать, пользуясь точными выражениями А.М. Панченко, что Петр

---

¹ Ср., например, подборку характеристик модернизации, приведенную П. Штомпой (Штомка, цит. соч, с. 172 – 173).

получил «самоистребляющуюся» в результате церковного раскола страну; более того, «не только самоистребляющуюся, но и разбегающуюся». Ему досталась держава, охваченная мятежами, «пребывавшая в состоянии духовного кризиса и даже надрыва»¹. Практически ни один из государственных институтов не соответствовал остроте не только внутренней, но и крайне угрожающей внешней, международной ситуации. Реагируя прежде всего на военную угрозу, Петр мог опираться на наследие своего отца, который не раз предпринимал попытки формирования и использования полков «иноземного строя». Полки иноземного строя, за образец которых брались голландские, шведские и польские войска, в целом зарекомендовали себя достаточно хорошо еще при Алексее Михайловиче (хотя не раз распускались и собирались заново), и сам Петр имел возможность убедиться в этом в ходе военных действий первого этапа своего правления. Позитивный опыт заимствования западных военных образцов склонил Петра к тому, чтобы произвести широкий спектр реформ чисто *модернизационного* типа, превративших Россию в мощную европейскую державу. При этом, наряду с сугубо внешними заимствованиями (как одежда, манеры или календарь), происходил и трансфер идей (например, рецепция учений Гроция, Пуффендорфа и Локка).

Типичным для модернизации является *дисбаланс* распределений готовности, пользы и издержек. Для инициатора модернизации (властная инстанция, правящая элита) характерна наибольшая степень готовности, максимум ожидаемой пользы и минимум предполагаемых издержек. Петр Первый, в этом смысле, был предельно прагматичным государственным деятелем во всех своих начинаниях, который, однако, и «своего живота не жалел», трудился в буквальном смысле не покладая рук, и жил весьма аскетично.

Соответственно, другие участники модернизации (вольные или невольные) в той или иной степени не готовы к внедряемой новой реальности, которая является для них неосвоенной и чуждой, диссонирует с остальными процессами их жизни, польза от нее не столь велика, непонятна, эфемерна и т.п., а издержки кажутся чрезмерными. Отсюда – различные формы сопротивления модернизации, конфликты, отторжение или искажение. Происходит расслоение на тех, кто принял новую форму и вжился в нее, и тех, кто сохранил приверженность старому. Стремление инициаторов модернизации ускорить процесс, обойти сопротивление и минимизировать при этом свои затраты ведет к

---

¹ Панченко А.И. Начало Петровской реформы: идейная подоплека // Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1989, с. 5-16.

тому, что нередко вместе с образом-эталоном М в страну импортируются готовое оборудование, специалисты, сервисные центры, приходят инвесторы (прямые), открываются филиалы иностранных учреждений, банков, компаний и т.д. Практически все модернизации XX века в Азии и Европе проводились или, как минимум, начинались по англо-американскому образцу или плану, под внешним контролем и сопровождались целевой экономической поддержкой и размещением западных нерезидентов.

Таким образом, типичным следствием модернизации является формирование в обществе *многоукладности* и внутреннего социокультурного *разрыва* между различными слоями.

Главный вопрос модернизации, после выбора образца, – это вопрос *мобилизации*. Имеющийся мировой опыт показывает, что камнем преткновения выступает *разрыв субъективации*. Агент–инициатор модернизации (правлящая группа, элита), как правило, не способен «единолично» придать модернизации завершённый характер, а потенциальный субъект, который должен и мог бы это сделать (широкие социальные слои, народ), не мобилизуется на это из-за своей индифферентности или даже сопротивления процессу модернизации и/или ее последствиям.

Подтверждением этому тезису может служить судьба модернизационных реформ Петра Великого. А.И. Панченко, задавшись вопросом о том, что получилось из института православной церкви после реформы Петра, резюмирует: «Нечто неестественное»¹. Практически сразу после смерти Петра начался демонтаж большинства его преобразований. Это отступление было отчасти вынужденным, из-за опустевшей казны и голода в стране, отчасти осознанным: к власти пришла старая оппозиция, которая плела в свое время заговоры против Петра. В этой ситуации, как выяснилось, даже бывшие соратники Петра оказались не столь уж искренними и стойкими приверженцами его реформ. «Итак, – констатирует С.А. Нефедов, – через три года после смерти Петра Великого ко всеобщей радости налоги были уменьшены, Петербург был оставлен, флот сгнил, петровская администрация была распущена, армейские офицеры вернулись в свои деревни, а ближайшие соратники преобразователя оказались в ссылке. Модернизация Петра Великого в конечном счете вызвала волну традиционалистской реакции, которая свела на нет многие результаты реформ»². В.О. Ключевский писал: «Шесть царствований на

---

¹ Панченко А.И. Церковная реформа и культура Петровской эпохи // XVIII век. СПб., 1991.

² Нефедов С.А. Петр I: блеск и нищета модернизации // Историческая психология и социология истории, 2011, № 1, с. 70.

протяжении 37 лет достаточно выяснили судьбу преобразовательного дела Петра по смерти преобразователя. Он едва ли узнал бы свое дело в этом посмертном его продолжении... После Петра государственные связи, юридические и нравственные, одна за другой порываются, и среди этого разрыва меркнет идея государства, оставляя по себе пустое слово в правительственных актах».¹ И, далее, «здесь все меняется каждую минуту, всякий пугается собственной тени при малейшем слове о правительстве, никто ни в чем не уверен и не знает, какому святому молиться».

Подводя итог, следует заметить, что в случае модернизации в качестве исходного процесса выступает вся связка процессов, образующих институт (кластер институтов) в целом, то есть не только нормы и процесс их реализации, но и процессы трансляции и трансформации норм. Институты без всякого сожаления разрушаются, упраздняются и замещаются новыми.

ЕИ. Натурализация искусственного изменения, или развитие

Такая ситуация возникает тогда, когда некое изменение, вызванное искусственно, начинает существовать самостоятельно, в том числе – независимо от своего инициатора (того, кто его придумал и впервые осуществил), и самовоспроизводиться. Это значит, что трансформация ассимилируется, входит в культуру и начинает транслироваться по ее каналам – таким, как традиция, образ жизни, образование, – и модифицироваться теми внутренними механизмами, которые ответственны за поддержание культуры в актуальном состоянии. В центре внимания стратегии развития оказываются существующие нормы культуры и процессы их реализации, именно это выступает здесь в качестве «исходного процесса». Однако, как к структурам реализации, так и в еще большей степени к структурам, обеспечивающим процессы трансляции и трансформации, отношение «щадящее». Их модификация осуществляется в рамках строго выверенной (насколько это вообще возможно в данной ситуации) необходимости, с обязательным «рециклингом», «рекультивацией» и «захоронением» того, что уже никак не может быть использовано. В качестве примера здесь можно рассматривать реформу социальной структуры Японии в 1869 – 1873 гг. (хотя и там, в конечном итоге, не все удалось).

Вообще говоря, схема решения вопроса о развитии довольно проста и требует «всего лишь» достижения достаточно широкого

---

¹ *Ключевский В.О.* Сочинения. В 9 т. Том 4. Курс русской истории. Ч. 4. М., 1989, с. 305.

консенсуса относительно необходимости радикальных изменений и готовность в них участвовать (или, как минимум, терпеть), формирования соразмерного субъекта и наличия *стратегии*¹. Исходный консенсус нередко складывается вследствие той или иной национальной катастрофы, как правило, военного или военно-революционного характера или слома всего прежнего порядка в ходе национально-освободительного движения (революции). Примеров можно найти множество: гражданская война в США, Япония после военного принуждения к отказу от самоизоляции в конце XIX века и поражения во Второй мировой войне, Германия после Первой и Второй мировых войн, Франция, Тайвань – после Второй мировой войны и т.д.

Образцовым примером «органической модернизации», который, на наш взгляд, следует записать в реестр *развития*, считается развитие капитализма в Великобритании. В противоположность теоретикам модернизации, видящим в этом процессе действие «эндогенных» причин, историки видят более сложную, или даже противоположную, картину. Начиная с середины XVI века Англия «ощущала себя если и не осажденной (это было бы слишком сильно сказано), то, по меньшей мере, подвергающейся угрозе со стороны недружественной Европы, политически опасной Франции, вскоре обретшей чрезмерные преимущества Испании, Антверпена с его господствующими купцами, а позднее со стороны торжествующего Амстердама...»². Впору говорить о том, «остров обладал комплексом неполноценности» по отношению к более развитой на тот момент континентальной Европе. О том, насколько «органическим» представлялось современникам развитие Англии, можно судить по тому факту, что, например, Жак де Серийонн (1709 – 1792) назвал богатство Англии по сравнению с богатством Франции «искусственным»³.

Таким образом, и модернизация, и развитие начинаются в проблемной или кризисной ситуации и предполагают искусственное вмешательство в естественные социокультурные процессы. Различие между ними прежде всего в том, что выступает в качестве *объемлющей (рефлексивной) рамки*.

В случае развития объемлющей рамкой выступает естественное социокультурное окружение развиваемого процесса или целого

---

¹ Под «стратегией» здесь понимается умение эффективно воплощать свой осознанный интерес в последовательность действий, соответствующих сложившейся на предыдущем шаге ситуации, и достигать как непосредственно важного результата, так и делать вклад «на перспективу».

² Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV – XVIII вв. Т. 3. Время мира. М., 2007, с. 377.

³ Бродель Ф. Цит. соч., с. 409.

(обозначим это окружение N – от «nature»), которое рассматривается как ценность и с точки зрения ценностей. Рассматривается как ценность, по крайней мере, в том, что касается *культуры*, поскольку новый (обновленный) процесс – обозначим его I (от «innovation») – должен в конечном итоге «вписаться» в существующий механизм трансляции, модификации и воспроизводства культурных норм. Это значит, что из всех имеющихся моделей и/или сценариев изменения выбирается тот, который в наибольшей мере соответствует собственным тенденциям как процесса I, так и других процессов N, в которые он включен и с которыми связан. В случае модернизации такой рамкой служит внешняя для данной целостности (страны) модель, подвергаемый трансформации процесс P рассматривается как не представляющий собственной ценности материал, его процессуальное и институциональное окружение либо вообще не принимается во внимание, либо трактуется в терминах расходного ресурса или вызывающей сопротивление среды. «Старые» институты кардинально реорганизуются без сохранения (по крайней мере, сознательного) какой-то преемственности или вообще замещаются новыми.

Нетрудно понять, что предпосылкой и условием (выбора) развития служит *естественный* во всех смыслах характер окружения N развиваемого целого I, поскольку ему (N) предоставляется существовать в соответствии с его собственной *логикой*, которая, таким образом, не проблематизируется и не «ставится в очередь» на трансформацию. Короче говоря, объемлющее целое N принимается «как есть», причем не только в текущий момент времени, но и на обозримое будущее. Естественное «охватывает» искусственное, определяя, как минимум, его начальные и граничные условия. Иначе говоря, развитие – это своего рода *взаимный* процесс: искусственное интегрируется в естественное, естественное ассимилирует искусственное.

Развитие отчасти похоже на эволюцию; существенная разница между ними заключается в том, что результат эволюционного изменения, преимущественно аккумулирует и фиксирует то, что было достигнуто на предыдущем этапе, а эффект развития состоит в *создании новых возможностей*, в запуске некоторой «цепной реакции».

В качестве примера рассмотрим т.н. «греческое чудо», то есть развитие в бассейне Эгейского моря цивилизации нового, собственного европейского типа, как это описывает известный русский культуролог и философ М.К. Петров¹.

---

¹ Петров М.К. Пентеконтера. В первом классе европейской школы мысли // Вопросы

Исходно эгейская социальность была, как и везде вокруг, вполне традиционной, основанной на земледелии и оседлости; причем этому поначалу не мешал даже факт островного существования. Набор социальных институтов, способы их интеграции в социальную целостность, модели утилизации «лишних людей» в эгейской культуре были вполне традиционные. Все традиционные общества умеют связывать энергию «лишних людей», ставить ее на службу обществу или хотя бы нейтрализовать. В этом смысле *пентеконтера*, то есть 50-весельный корабль, был по замыслу и первоначальной функции одним из средств социализации «лишних людей», обращения их энергии на пользу государству. Однако вскоре «лишние люди» начали использовать корабль, так сказать, в личных интересах: захвата побережья, физического уничтожения «глав домов» и присвоения себе налаженного проигравшим предшественником хозяйства. В регионе разразился жестокий цивилизационный *кризис*, следы которого без труда были обнаружены археологами. Пиратский корабль радикально изменил образ жизни побережья, разрушил привычный порядок расселения и профессионализации, ввел власть на местах и вынудил каждого мужчину осваивать навыки гражданина и воина (пирата). Это стало универсальной образовательной «добавкой» со своими нормами и методами обучения, основанными уже не на подражании действиям старших, а на коммуникации, на расчлененном комплексе «слово – дело» с приматом слова и подчиненным положением дела, на навыках повелевать и повиноваться, в зависимости от ситуации. Эти навыки требуют специфических форм мышления и соответствующих средств общения, восприятия, психологических установок, которыми традиция не обладает не потому, что люди неспособны их освоить, а потому, что у традиции нет необходимости и повода для их освоения и широкого применения. В бассейне Эгейского моря сформировался новый тип культуры, основанный не на обычае или наследовании профессиональных навыков, а на осознанном всеобщем законе (*номосе*), на власти слова и буквы, на логике понятий.

Очевидно, что ситуация, в которой развитию подлежит один процесс или часть более сложного целого (института или кластера институтов), при том, что все остальное можно принять как подлежащее сохранению и воспроизведению, возможна далеко не всегда. В качестве примера можно провести реформы Александра II, которые по замыслу своему были реформами развития России. Однако они производились в исторической ситуации, являющейся следствием модернизационных реформ Петра, в условиях диспропорций и

диссонансов естественных процессов. На это обстоятельство в существенной мере может быть списана «непоследовательность» и «незавершенность» этих реформ. Однако такого рода диалектика, когда развитие и преодоление одних проблем порождает другую проблемную ситуацию, требующую новых решений, скорее правило, чем исключение. Отсюда вытекает необходимость делить развитие на *шаги* (стадии, этапы и т.д.), а также переносить по ходу дела фокус развития с одного процесса I на другой. В свою очередь, это значит, что естественное существование и изменение объемлющего целого N принимается на такой период времени, который необходим для завершения «шага развития» избранного I. Другим следствием служит необходимость иметь для развития не просто план первоочередных мероприятий, но *стратегию развития* на достаточно долгое и неопределенное будущее.

Структура, в которой естественное охватывает искусственное, определяя, как минимум, его начальные и граничные условия, предполагает формирование соответствующего субъекта – *субъекта развития*, – для которого это развитие будет в той или иной мере *саморазвитием*. В этом смысле, классическая оппозиция субъекта и объекта (управления) к развитию неприменима. Субъект развития – *субъект* не в отношении некоего объекта, но в отношении самого себя и других субъектов. Для этого он должен соединять в себе – в одном лице, или в коллективе – интеллект, власть и капитал. Стратегию развития он разрабатывает и реализует саморучно, применительно к себе, своим целям и возможностям. Здесь можно зафиксировать еще одно различие между модернизацией и развитием. Оно состоит в том, что путь и сценарий *развития* выбирается из нескольких альтернатив, а *модернизация* – императивна, и рассматривает реальное или искусственно созданное отсутствие альтернативы не как серьезный недостаток рефлексии и стратегирования, а скорее как подтверждение правильности «выбора» образца для копирования.

О соотношении инноватизации, модернизации и развития

Рассмотренные в предыдущем разделе эволюция, инноватизация, модернизация и развитие суть *идеальные типы*, поэтому они, вообще говоря, не исключают друг друга в реальной жизни, могут сосуществовать и даже сочетаться. Так, инноватизация может сочетаться в едином процессе и с модернизацией, и с развитием.

Согласно консенсусу, который сложился среди тех, кто не первый год на государственном уровне управляет российской экономикой, понятие «инновация» суть понятие, ориентированное на *рынок* и

учитывающее его в своей критериальной основе. То есть, попросту говоря, инновация – это новый продукт (или услуга), нашедший спрос на рынке. При этом «новый» означает: до сих пор отсутствовавший на данном рынке (впрочем, глобализация рынков предельно генерализирует это утверждение), не имеющий аналогов по своим потребительским свойствам. Инновационная технология (т.н. процессная инновация) – это технология, которая позволяет произвести новый продукт или услугу. При этом сама технология, раньше или позже, становится на соответствующем рынке новым продуктом. И всё остальное «инновационное» при таком подходе имеет в конечном (или, если угодно, начальном) пункте своей дефиниции рынок.

Соотношение модернизации и инноватизации – это, в противоположность распространенному мнению, отнюдь не соотношение части и целого. Конечно, у них есть область пересечения. В частности, в государственной экономической статистике приобретение новых машин и оборудования, то есть модернизация в узком смысле этого слова, числится по разряду инновационной активности. Тем не менее, *со стратегической точки зрения они различны.*

Во-первых, модернизация может быть проведена без инноватизации, причем проведена быстрее и дешевле.

Во-вторых, создаваемые в ходе инноватизации компании и институты в условиях глобализации вполне могут «замыкаться вовне» и поставлять свою продукцию (в виде специалистов, знаний, патентов, ноу-хау, технологической подготовки производства и т.д.) на экспорт.

В-третьих, важно, что берется в качестве рамки: рассматривается ли осуществление *инноваций в рамке модернизации* (с вытекающей отсюда повесткой и планом действий), или – *модернизация в рамке инноватизации*. В первом случае политика инноватизации направлена на целевое стимулирование инноваций, поддерживающих и обслуживающих перенос и закрепление иностранного опыта. Во втором – модернизируется и расширяется существующая база производства инноваций: НИИ и КБ, университеты, венчурные фонды, технопарки и т.д.

Обратим внимание, что модернизация во всех своих предметных трактовках так или иначе предполагает наличие образца – будь то образец технологии для промышленного производства, или Запад (общество модерна) как стандарт общественного благоустройства. То есть, в отличие от инновации, которая направлена на еще *несуществующее*, модернизация, напротив, ориентируется на уже *существующее*. С этой точки зрения, инновация – это движение *из настоящего в будущее*, а модернизация – *из прошлого в настоящее*. Как

в том, так и в другом случае жизненно важно не ошибиться с «определением времен». Именно, в случае инновации – не промахнуться с тем, что действительно имеет хорошие шансы стать «будущим», а в случае модернизации – не перепутать еще конкурентоспособное «настоящее» с уже отслужившим свое, никчемным «прошлым», от которого более продвинутые страны стремятся освободиться. В любом случае, как уже давно и не раз отмечалось, модернизация, по сути, есть *догоняющая модернизация*. Со всеми вытекающими отсюда рисками для страны, рассчитывающей принять на себя роль лидера. Для страны, не стремящейся занять место лидера, опасность кроется в возможности попасть в технологическую, и как следствие – экономическую, зависимость от страны-донора модернизационных образцов и стандартов.

Сочетание инноватизации и развития также может иметь две принципиально различные формы, одной из которых является *инновационное развитие*, а другой – *развитие инноватизации*.

Инновационное развитие – это процесс, в ходе которого создаются такие нововведения, которые *работают на развитие*. То есть это не инновации ради инноваций (коммерции), и не инновации ради того, чтобы соответствовать извне заданным образцам и стандартам, – это инновации в качестве нового импульса развития. Здесь даже не столь важно, откуда появляется новое – привносится извне или изобретается внутри (хотя это и предпочтительнее), – важна способность интегрировать его в свою культуру, наличие способности (механизма) поддержания его жизнеспособности (конкурентоспособности) и модифицирования по мере необходимости. Хороший пример дает нам история отечественной ракетно-космической отрасли, а именно – эпизод с образцами немецкой ракетной техники, попавшими в руки советских инженеров после войны.

Развитие инноватизации – это, по сути, *развитие механизма инноватизации*, «национальной инновационной системы», направленное на повышение ее производительности и конкурентоспособности ее продукции и услуг на мировых рынках. Например, это такие изменения в системе высшего образования, которые позволяют привлечь в нее инвесторов разного рода, начиная от студентов, готовых оплачивать свое обучение, до компаний, заинтересованных в открытии определенных специализаций подготовки и переподготовки, проведения на университетской базе НИОКР и т.д. Поскольку инновационная деятельность неустранимо связана с высокими рисками, то она неизбежно требует государственной поддержки, причем основной ее опорной и одновременно расходной единицей служит малый инновационный

бизнес. В то же время внедрение и извлечение максимума пользы из инноваций – дело среднего или крупного бизнеса.

Наконец, следует учесть, что развитие априори накладывает ограничение на масштаб коллективного субъекта развития: его численность не выходит за пределы, в которых возможно перманентное согласование оценок, интересов, видения будущего, рисков и организация совместных действий (пусть даже и распределенных территориально). Следовательно, если ставить задачу организации широкомасштабного и комплексного процесса развития, то субъект развития должен быть множественным и дифференцированным. Или, другими словами, субъектов развития должно быть много и они должны быть разными, а чтобы страна в результате их деятельности не пошла вразнос – необходима координация действий.

Заключение

В заключение кратко коснемся понятий «реформа» и «революция». На наш взгляд они представляют собой не типы общественных изменений, а их форму или *режим*; то есть соотношение между ними и типами – примерно же, как между политическим режимом и государственным строем. За недостатком места остановимся только на понятии *реформы*.

К основным признакам реформы относятся персонификация, контролируемый и заранее ограниченный (временными, структурными, содержательными рамками) характер. У реформы всегда есть обличенный соответствующей властью и полномочиями инициатор и руководитель – «реформатор», поэтому реформа всегда легитимна и осуществляется «сверху». О реформе говорят обычно применительно к ограниченной сфере общественной жизни или институту (судебная реформа, налоговая реформа, реформа образования и т.д.), и к однократному действию реализации плана или проекта реформы. «Мирный» характер реформы является следствием того, что реформа носит *адаптивный* характер: это структурные изменения в некотором институте для того, чтобы адаптировать его к «современности», к институциональному окружению, которое уже воспринимается как устойчивое и долговременное, а разрыв реформируемого института со своим окружением – как «отставание».

Завершая, подчеркнем еще раз, что смысл введения данной типологии (как и любой типологии вообще) двоякий: исследовательский и практический. Исследовательский заключается в том, что тип (или композиция типов) представляет собой конструкцию, позволяющую различать общее (типичное) и особенное (специфическое) в конкретном феномене, и выстраивать

соответствующую исследовательскую программу. Практический смысл связан с тем, что в случае формирования инновационных сред саморазвития важно понимать различие сред, зависимость этого различия от исторических предпосылок и социокультурных условий, структурные особенности, требования к ресурсному обеспечению и связанные с каждой средой доминирующие риски. Политика модернизации обречена на неуспех, если нет механизмов мобилизации масс; развитие невозможно, если не происходит самоорганизация (хотя бы и стимулируемая со стороны) соответствующих субъектов развития.